

- 1.
- 2.
- 3.
4. Маманов К. В. по пов. Васильева Б. А.
5. А зори здесь тихие ... ; о.
6. Москва — Большой театр
7. реж. — Штейн С.
худ. — Лебедев В.
дир. — Назаров А.

«Зори здесь тихие» — о.
К. Маманов

1988
Москва
ТАБТ

«СОВЕТСКИЙ АРТИСТ»
1988 — 1989 г.
На спектаклях текущего репертуара

«Зори здесь тихие», 13 февраля

13 лет живет на сцене Большого театра опера К. Маманова «Зори здесь тихие». 13 февраля днем состоялся 105-й спектакль. В этот день зрительный зал и сцена жили одной жизнью, дышали одним дыханием. И неизвестно, что оставило большее впечатление — то, что происходило на сцене, или восприятие зрителей. Впрочем, режиссер-постановщик спектакля С. Штейн предпочел это и перед премьерой тиснул в буклете: «Сама тема женщины на войне и тема молодости на войне глубоко эмоциональны сами по себе и близки каждому».

В спектакле, намеренно лишённом режиссерских эффектов, внимание сосредоточено на характерах, на взаимоотношениях, на внутреннем мире персонажей. Этот замысел был талантливо воплощен участниками спектакля. Особенно ярко «прозвучали» образы, созданные Н. Гапоновой (Кирилова), Л. Вернигорой (Евасков) и Т. Врасовой (Женя Комелькова) — профессиональное пение, отличная дикция, органичное сценическое поведение и яркие образы держали зал в неослабном внимании. Воистину спектакль держался на «трех иголках».

Хороший ансамбль с ними составляли Е. Кудрявченко — Бричина. Удачным был ввод на роль Осянкиной — Л. Нам. Поэтому быстро забылся не очень удачно прошедший пролог.

В этом спектакле нет мелочей. И костюмы — не театральные, а подлинное военное обмундирование, подобранное по размеру, — все это играет на образ, особенно — «остатки кира», — от нее пахнет пороком и вест сменяющей грустью: крупные девушки, женские ноги в тяжелых сапогах («у войны» — не женские лица). Молодая Е. Кудрявченко — Бричина очень умело исполняла этот штрих. А вот Е. Школьников в роли Гурвич преобрела достоверность костюма, и ее модные сапожки резали глаз, усиливали ощущение жеманности. Дело режиссера обмундировать солдат, что заменил кирзовые сапоги на кожаные,

они сильно проигрывают в достоверности образом.

Почему-то совсем не прозвучали первая и вторая зенитчицы (Г. Дымченко и Л. Кирилова). Е. Куровских (Марья) пела дикционно вяло, и вяло прозвучала у нее только фраза: «Может, самогончики выпьем?», на что чувствала публика бурно отреагировала в духе нашего времени. Но все это не портит атмосферу, а значит и успех спектакля.

Спектакль живет, и это не может не радовать. Зрители по-прежнему находят в нем отклик на свои чувства. «Зори здесь тихие» — редкая удача среди постановок Большого театра на современную военную тему. Тем больше надо приложить усилий к тому, чтобы он шел на уроне премьеры, раскиснуть все нажитые за 13 лет наслоения.

В «Зорях», к сожалению, нередко подводит постановочная часть. Так было и на этот раз. В первом действии фурия, на которой находились муж и сын Осянкиной, застрела, и чтобы выполнить мизансцену, Л. Нам — Осянкина вынуждена была идти к ним в глубь сцены, а в это время, по повестке, буквально на голову артистки начал спускаться казб. Раздались крики из-за кулис, из суфлерской будки и даже из директорской ложи: «Люда, неваля!» Можно понять кричащих: возникла ситуация, угрожавшая жизни артистки. Надо отдать должное выдержке Л. Нам — она с честью вышла из создавшегося положения. А постановочная часть, сделав ли она выходы?

Видимо, режиссеры давно не работали с артистками хора — зенитчицами. С. Штейн поставил мизансцены, которые предполагают и индивидуальные импровизации. Дух импровизации почти затух, ушел из образов зенитчиц, лишив их жизненности, достоверности, обаяния. Сохранили живость артистки хора Л. Везукова, И. Молодцова, И. Дерюгина, остальные оказались безликими.

Звучал хор прекрасно: безупречная интонация, тонкие нюансы, особенно впечатляющим был заволакуемый хор: «Пас не нужно жалеть».

Артистам миманс надо больше заботиться об актерской выразительности, а не демонстрировать свою балетную выучку (особенно девушкам). Это диссонсирует с мягкой, задушевной, можно сказать, бытовой интонацией вальса, который они исполняют.

Грубо работали на спектакле звукоинженеры: фонограмма «Mistete» Генделя прозвучала резко, как гром среди ясного неба, прервав залушанный диалог Васкова и Гурвич. Гендель должен идти «напльвом», как лирическое воспоминание, и техническими средствами этого легко добиться.

Думается, наши музыканты не обидятся, если скажем, что в этой опере оркестру принадлежит аккомпанирующая роль. Под руководством А. Степанова он подчеркивал выразительность поэтических образов оперы, создавал волнующую атмосферу этого спектакля. Правда, однажды, во втором акте, струнные со своим лирическим притком вывелись вперед и убедили от Васкова — Л. Вернигоры (певшего из-за кулис через микрофон). Но это никак не снижает общее хорошее впечатление от оркестра.

На войне не просто гибнут солдаты — на войне умирают не люди вообще, а человека. Живого. Тепло. Думается. И исполнение конкретного: со своей фразой, именем, любовью и радостью.

Эту конкретность доносит до нашего сердца искусство, посвященное памяти тех, кто не вернулся. Не для того, чтобы просто вспомнить, а для того, чтобы любить и ненавидеть. Вечно любить героев, отдавших свою жизнь за Родину, и вечно ненавидеть фашизма. Это — слова Бориса Васильева, автора повести «А зори здесь тихие».

Можно смело сказать, что спектакль Большого театра доносит до сердца зрителя конкретность образов погибших четырех девушек-зенитчиц, будит любовь, ненависть и... слезы. Он выполняет свое предназначение и должен долго жить в нашем репертуаре.

Дежурные члены Художественных советов оперы и хора.